

ВЛАД РИВЛИН

Здесь
слишком
жарко!

Skleněný Můstek 2013

ВЛАД РИВЛИН

Здесь слишком жарко!

Сборник рассказов

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ МАМЕ

224 стр.

ISBN 978-80-87940-04-4

СОДЕРЖАНИЕ

МУЗЫКАНТЫ
ЗДЕСЬ СЛИШКОМ ЖАРКО!
АНДРЕЙ И ЕВА
В РАЙ
СОСЕДИ
БЕЛЛА
БРАТЬЯ
БЫВШИЙ ГУРУ
ГРЕЗЫ СТАРОГО ЕВРЕЯ
ЛЮБОВЬ БЕЗДОМНЫХ
ПИСЬМО
ПОБЕГ
САМОУБИЙЦА
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
СТАРУХА
СТАРЫЕ КНИГИ НА РУССКОМ
УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК
ЭХО
ПАМЯТИ ЭПОХИ
САША
ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА И КОШКА
ПРОСТО И ЛЕГКО
УЛЬТИМАТУМ
ПЬЯНЫЙ ОФИЦИАНТ
ЦВЕТОЧНЫЙ МАГАЗИН
Я ЕЩЕ МНОГОЕ МОГУ...
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПАЛ
ФРАГМЕНТЫ. ГОД 1991
ШОУМЕН
ВЕСЕЛЬЧАК

МУЗЫКАНТЫ

Ничего подобного и более замечательного я в своей жизни ещё не видел. Прямо посреди одной из центральных и самых грязных улиц Тель-Авива давал свой концерт под открытым небом настоящий симфонический оркестр.

Здесь были все: скрипач, виолончелист, контрабас, флейта, кларнет, труба, тромбон и даже арфа. Не было только фортепиано. Освещением для самодельной оркестровой сцены служили огни большого супермаркета, перед которым расположились музыканты. Разместившись на пластиковых и матерчатых стульях, седые музыканты исполняли лучшие произведения классической музыки.

Когда они исполняли музыку, то казалось, что музыканты и их инструменты – это единое целое, как продолжение руки, а может быть, души. В своей музыке они сумели сказать городу о своей жизни, о своих переживаниях и надеждах.

Город, не привыкший к такой роскоши, не знал, что с ними делать. Ему нужны были дворники, строители, официанты. Ему нужны кафе, рестораны, бары, новые дороги... А музыканты из России свалились на его голову как снежный ком посреди жаркого лета. Он не готов был их воспринять, он не готов был их принять, он не мог их понять.

Днём город пах соляной, жареным мясом, пиццей и быстро разлагающимися под жарким южным солнцем нечистотами. Весь этот коктейль запахов был щедро сдобрен пылью. Ночью влажный воздух города пропитывался ещё и мочой.

Я слушал их игру и думал о том, что этот пыльный, неопрятный город у моря, не способный распорядиться нежданно обрушившимся на него даром, должен сгореть от стыда, слушая музыку бездомных музыкантов; что местная филармония должна признать свою несостоятельность и уступить им своё место.

Но городу было наплевать на них. Ему вообще ни до кого нет дела: ни до ютившихся в жалких колониальных халупах гастар-

байтеров и иммигрантов, ни до сбившихся в стаи бездомных собак, ни до безработных уличных музыкантов, объединившихся в оркестр под открытым небом.

Их музыка была никому здесь не нужна.

– Вы знаете, сколько музыкантов приехало?! – спрашивала их самодовольная чиновница в министерстве иммиграции. – Нам нужны рабочие, – деловито, по-хозяйски вещала сытая сановная дама. – И если вы уж такие хорошие музыканты, ищите себе работу, пробивайтесь! Волка ноги кормят. Попробуйте поискать работу в школе, в клубах... В ресторанах, наконец... С работой сейчас для всех плохо. Столько людей приехало... Работы на всех не хватает, нужно радоваться тому, что есть, любой работе...

В то время против равнодушия протестовали многие. Устраивали малочисленные демонстрации, что-то куда-то пытались писать и даже объявляли голодовки.

Музыканты ничего этого не делали, но своей музыкой они сказали этому городу всё.

А я после того концерта – почти двадцатилетней давности – не хожу ни в филармонию, ни в симфониету. Не хочу портить впечатление. Это – всё равно как после настоящего армянского коньяка пить какое-нибудь «палево».

ЗДЕСЬ СЛИШКОМ ЖАРКО!

– Здесь жарко! Слишком жарко! – Всё время повторял Слава. – Можно привыкнуть, приспособиться, смириться... Но полюбить – нельзя!... Здесь всё слишком чужое, и никогда оно не станет для нас родным. Жизнь проходит тут бесцельно. У меня такое чувство, как будто я и не жил все эти годы... Вот, вроде бы, и в армии здесь побывал, и много чего повидал... А жизни нет, нечего вспомнить! Работа – счета, работа – счета, работа – счета! И всё время эта бессмысленная война! Снаружи и

внутри! Ты не живёшь, а выживаешь. Если сейчас войны нет, то потом она всё равно обязательно будет. Там ты - враг, а здесь ты - чужой. Одна радость, что все евреи. Но что мне радости от того, что тут все евреи?! – Разгорячённый вином и эмоциями, Слава изливал нам свою душу. Мы все слушали его молча, не перебивая, и никто из нас его не осуждал: хочешь уехать – уезжай. Мы ведь живём в свободной стране. Ты - не первый и не последний.

Слава отличался от других уезжающих разве что тем, что уезжал, вернее, улетал громко, слишком громко, будто чего-то стыдясь и всё время оправдываясь, не то перед нами, не то перед самим собой.

Все остальные уезжали тихо и если говорили об отъезде, то крайне скупно: подали документы в канадское посольство, прошли интервью, ждём разрешения на въезд в страну, взяли билеты...

Сейчас то время, когда мы были единым целым, кажется мне таким же далёким, как и эпоха Древней Греции. А ведь прошло всего каких-нибудь семнадцать лет... Для жизни человечества это доли секунды, но для отдельно взятого человека – целая эпоха, время, за которое успевают родиться и вырасти новое поколение, уже мало похожее на своих предшественников. Другая жизнь...

По прошествии этих семнадцати лет из прежних друзей уже почти никого и не осталось. А ведь поначалу все были «мы». Это потом наша дружная компания разделились на своих и чужих, на удачников и неудачников, а ещё чуть позже – на уехавших и оставшихся.

Первым отделился Стас – самый тихий и незаметный в нашей компании. Он не пропускал ни одной из наших посиделок и был единственным, кто всегда оставался трезвым. Говорил он редко, всегда оставался серьёзным, и это было причиной многочисленных насмешек над ним. Учился Стас прилежно и, так же, как и все мы, работал в свободное от учёбы время везде, где придётся. В армию он ушёл уже после окончания уни-

верситета и, отслужив срочную службу, подписал контракт и остался в армии. Сейчас он был уже подполковником. Стас хорошо вписался в новую жизнь, наслаждался семейным счастьем и воспитывал троих детей. Я не помню, когда он перестал приходить на наши попойки и посиделки. Время от времени мы вспоминали его, но ему было уже, по-видимому, не до нас.

Игорь, не найдя работы после армии, стал полицейским, а Миша, последовав его примеру, служит в качестве офицера тюремной охраны. С ними мы тоже давно потеряли связь, хотя несколько раз при встрече разговаривали с каждым как старые приятели. Но на том наше общение и закончилось.

Первыми уехали Феликс и Фаина. Встретились они в нашей компании и поженились, когда были ещё студентами. Фаина – тихая, скромная девушка – была старательной студенткой, но звёзд с неба не хватала. А Феликс – наоборот, сорвиголова и вундеркинд, «аидише копф», как с гордостью говорила о нём его мать. Диплом магистра он защитил через два года после того, как получил первую академическую степень, а вскоре после защиты докторской они с Фаиной уехали в Штаты по контракту. Все предположения друзей и родных о том, что они останутся в Америке навсегда, Феликс категорически отвергал: они любят Израиль и жить без него не смогут. Вот поработают немного в Америке – и вернутся обратно, уже навсегда. Но годы шли, а Феликс с Фаиной не приезжали даже в гости, навещать родителей и друзей.

– Нет времени, – сетовал Феликс по телефону. – Работы навалом...

Между тем они купили в Калифорнии дом, потом поменяли его на другой, более просторный. В Америке у них родились дети, которых они определили сначала в детский сад при еврейской общине, а потом – в частную школу при той же общине. Сам Феликс стал набожным, правда, не настолько, чтобы целиком посвятить себя изучению священных книг. Но ему нравится ходить в синагогу и соблюдать шабат.

Эдик и Элла, напротив, особых симпатий к здешней жизни

никогда не испытывали и свой путь в Канаду пробивали с самого начала упорно, как тоннель в скале. С учёбой у них не получилось. Эдик бросил университет, проучившись полтора года. Элла проучилась на год больше и оставила учёбу, когда родился их первенец.

Эдику учёба в университете по большому счёту и не нужна была. Впоследствии он всегда презрительно отзывался об университетских профессорах, которые только и умеют, что «учить таких же, как они сами, да бастовать». Сам Эдик был мастер на все руки. У него был особый талант к любой работе. Всё, за что бы он ни брался, получалось у него лучше, чем у кого-то другого, делавшего ту же работу. Эдик работал сварщиком, поваром, на строительстве и кем только он ни был... Но его страшно раздражала маленькая по сравнению с другими, более благополучными странами, зарплата и высокие налоги.

Оба, в конце концов, окончили курсы программистов, быстро нашли себе работу в крупной фирме и, набрав стаж довольно легко и быстро, перебрались в Канаду. Время от времени мы общаемся с ними по «скайпу». Во время этих сеансов связи более сентиментальная Элла говорит о своей ностальгии по Израилю, жалуется, что забывает иврит, и рассказывает, что учит языку земли обетованной своих детей – чтобы окончательно не забыть самой. Видимо, ей это удаётся – через «скайп» её дети даже как-то пели нам песни на иврите.

Не сложилась жизнь в Израиле и у Игоря, хотя на призывном пункте он сам попросился в боевые части. Служил Игорь в одном из самых элитных подразделений, побывал и в Ливане, и в Газе, и вообще, где он только ни был... За время службы он был дважды ранен, правда, оба раза легко, и дослужился до офицера. Ему предложили остаться в армии, но назначение его не устроило – армейские чиновники хотели, чтобы он остался в Ливане, сулили золотые горы и быстрый карьерный рост. Среди прочего ему обещали в качестве нового места службы генштаб. Но как только он подписал контракт, его отправили обратно в Ливан на ту же должность. Игоря потряс не столько

цинизм и лицемерие армейских чиновников, сколько крушение его собственных представлений о жизни. Раньше он чувствовал себя частью этой жизни, важной, значимой. А тут ему без обиняков дали понять, что он чёрная кость и белой никогда не станет. С тех пор у него пошло отторжение. Он разругался со своим непосредственным армейским начальством и со скандалом ушёл из армии.

Уволившись, Игорь хотел было продолжить учёбу в университете, но вскоре бросил и стал работать в охранных фирмах, которые постоянно менял.

Уходил он отовсюду со скандалом и жестоко мстил своим бывшим работодателям: однажды он порезал все колеса на стоянке, принадлежавшей фирме, где Игорь раньше работал. Доказательств его причастности к содеянному не было, но никто не сомневался в том, что сделал это именно он, Игорь.

В остальное время он «отрывался» на арабах, которых почему-то люто ненавидел, и «марроканцах», которым ломал руки и рёбра в клубах и на дискотеках.

Когда мы собирались вместе, он на чём свет стоит ругал израильские порядки. Его ужасно раздражало абсолютно всё: хамство и тупость «бабуинов», как он называл уроженцев страны, продажность «русских», «тупые чёрные рожи» и вообще «зловонный Восток». Перечить ему в такие минуты было небезопасно: Игорь делался бешеным и крушил всё, что попадалось под руку. После встречи с Людой он немного остепенился, но ненадолго. Буквально первое же знакомство с родителями девушки закончилось едва ли не сердечным приступом для отца Люды.

Отец Людмилы был человеком настолько ушлым, что многие в его присутствии чувствовали себя безнадежными дураками. Этот человек умел устраиваться в жизни при любом раскладе.

– Профессию надо иметь, – говорил он, и сам был мастером на все руки: парикмахером, электриком, плотником... Израиль он выбрал совершенно осознанно, хотя у него была возможность уехать в Германию. Но о Германии он и слышать не хотел:

– Рано или поздно они всё равно возьмутся за евреев, – говорил он. – Америка? А что Америка?!.. Здесь я у себя дома. А там что?.. – С ним трудно было спорить, да и бесполезно. К тому же он совершенно искренне любил Израиль и чувствовал себя здесь своим. Израиль платил ему тем же: закрывая глаза на его левые заработки, не лишал его пособия. Старик был доволен: на Украине у него осталась квартира, которую до отъезда он успел приватизировать, и теперь сдавал, имея дополнительный доход к своему пособию и приработкам.

Мать Люды была женою своего мужа, и души в нём не чаяла.

Начавшийся с обычных в таких случаях расспросов – кто, откуда, чем занимаешься – разговор, едва не закончился дракой. Выслушав Игоря, отец Люды стал его спрашивать, что он ещё умеет в жизни, почему не пробовал устроиться там-то и там-то. Игорь стал жаловаться на своих начальников, которые его обманули и обворовали, и разговор неизбежно перешёл на философию. А философия у отца Люды была одна:

– Кто тебе виноват? Кто тебе что должен? Нужно было думать, и вообще, профессию нужно иметь...

Ни мать, ни отец Люды не ожидали настолько взрывной реакции Игоря. Если бы не Люда, то всё кончилось бы настоящим погромом.

Разумеется, что больше он в этом доме не появлялся. Правда, разрыв их произошёл гораздо позже. Игорь всё куролесил, пока однажды следователь в полиции недвусмысленно посоветовал ему уехать из страны, если он не хочет сесть в тюрьму.

В конце концов он отбыл к родителям в Питер и там устроился телохранителем к своему дяде-бизнесмену. Люда с ним не полетела. Единственная дочь у родителей, она уже давно работала в университетской библиотеке, имела «квиют» и менять «налаженный быт на бандитский Петербург» не захотела. Игорь улетел один, а Люда вскоре вышла замуж за банковского клерка «из местных». Сейчас у неё пятеро детей. А тогда, не прошло и полгода после отъезда Игоря, как он стал кривым и потерял два пальца на одной из рук. Сам Игорь говорил, что

причиной его увечья стала неудачно открытая бутылка шампанского на каком-то семейном торжестве. Потом он женился и вообще исчез. Все попытки связаться с Игорем потерпели неудачу: он либо вообще не отвечал на телефонные звонки, либо коротко отвечал, что занят и «не может сейчас говорить».

А началось всё с Лёшки, низкорослого увальня с огромной головой, каким он казался со стороны. В действительности это был очень шустрый парень с хорошо подвешенным языком. У него была востребованная в то время профессия: в университете он изучал не то биохимию, не то что-то связанное с биотехнологиями. Как бы то ни было, но после окончания университета он почти сразу же нашёл работу в фармацевтическом концерне, где и работает до сих пор.

Именно он поделил нас всех на удачников и неудачников. Расстались мы после того, как однажды, изрядно выпив, он стал выпендриваться перед нами и обличать Славу.

– Вот ещё один ...дак, не знающий, что делать со своей жизнью! – Высокомерно говорил Лёха, указывая на Славу. Слава побледнел и, отложив в сторону гитару, схватил Лёху за грудки.

– Убери руки!! – визжал Лёха.

Мы тогда еле успокоили Славу. С тех пор Лёха у нас не появлялся. Но мы хоть и редко, но о нём вспоминали. Ведь именно он провёл между нами эту грань, разделив всех нас на тех, кому повезло, и они вписались в новую жизнь либо уехали в более благополучные страны, и на неудачников, у которых не было престижной хорошо оплачиваемой работы, и которым суждено было навсегда остаться здесь... А может эта грань уже была, а Лёха её просто заметил?.. Парень он был шустрый и быстро всё подмечал.

А Слава – он был душой нашей компании!..

Познакомились мы все в кибуце, где в то время жили и учили иврит: была такая программа для студентов. Слава был самым старшим из нас – ему было двадцать пять лет. Тогда это был улыбчивый вихрастый парень, стройный и высокий, с неизменной гитарой на плече и огромным рюкзаком за плечами. Он

брал с собою гитару везде, куда бы мы ни отправлялись: на берега озера Кинерет, в Эйлат, где Слава до самого утра ловил огромных альмогов, или в Иудейскую пустыню, где он карабкался со своею гитарой по скалам, а вечером в одном из местных кибуцев давал нам концерт на веранде колхозной столовой или на берегу Мёртвого моря, исполняя песни собственного сочинения.

И вот теперь наша душа как будто покидала нас. Из прежней большой нашей компании осталось всего несколько семейных пар и ещё трое убеждённых холостяков. Боря-путешественник, как мы его называли, объездил уже весь мир. Ради своих путешествий он живёт и работает. Если денег на поход в Анды или в какое-нибудь другое экзотическое место у него нет, он берёт ссуды, которые потом выплачивает, иногда – годами. Витя помешан на буддизме. Он всегда олицетворял для нас экзотику и духовность Востока.

– Ну а ты почему не уезжаешь? Пропадёшь ты здесь! – как-то с досадой сказал мне Эдик перед отъездом.

– Я уже давно уехал, не перемещаясь в пространстве, – ответил я.

Эдик лишь понимающе и, как мне показалось, сочувственно покачал головой. Больше мы к этому разговору не возвращались. Было это незадолго до их с Эллой отъезда в Канаду.

Слава искренне пытался полюбить Израиль, но у него это не получилось. Многие считали его неудачником: в университете он не смог изучать то, что хотел, поскольку не набрал необходимого количества баллов. И тогда он поступил на специальность, где баллов ему хватало. Потом он всё больше досадовал из-за того, что изучать приходится вовсе не то, к чему душа лежит, и сама жизнь складывается вовсе не так, как хотелось. С девушкой, с которой они встречались довольно долго и даже собирались пожениться, в конце концов, ничего не получилось. Девушки были и потом, но ни с одной из них он уже не хотел строить серьёзные отношения.

– Всё у них сводится к одному, – с раздражением говорил

Слава. – «Как ты собираешься содержать семью?»

Университет он так и не закончил, а вместо этого работал, где придётся, и по выходным писал музыку для своих стихов. Слава собирался выпустить свои диски, но у него всё время что-то не ладилось: денег хронически не хватало, а студии, в которые он обращался, к его творчеству интереса не проявляли. Слава всё надеялся найти истинных ценителей своего таланта, но годы шли, а ценители, кроме нас, так и не объявлялись. Может быть, ему просто не везло?..

Все разговоры о том, что нужно найти себе постоянную работу и завести, наконец, семью, Слава обрывал резко:

– На жизнь мне хватает. Для меня главное – музыка. Всё остальное – не важно.

В ресторанах он выступать отказывался: его раздражало, когда под его музыку жуют и пьют. А потом что-то в нём как будто сломалось, и Слава стал совсем другим. Если раньше он ещё как-то мирился с окружавшей его жизнью, то теперь она вызывала у него отторжение. Однажды он объявил нам, что собирается в Канаду. Мы недоумевали: на что он рассчитывает?.. Востребованной профессии у него нет, денег – тоже. Но Слава был непреклонен в своём решении и вскоре действительно улетел за океан и отсутствовал месяца два. Потом вдруг объявился и сообщил нам, что в Канаде он женился и теперь улетает туда навсегда. В Израиль он прилетел лишь для того, чтобы забрать вещи, документы, ну, и с друзьями попрощаться.

Во время нашей последней встречи он и произнёс ту свою пламенную речь:

– Мне надоело бороться, воевать, постоянно кому-то что-то доказывать! Зачем? Мы здесь всё равно ничего не изменим, и вообще у этой страны нет будущего.

Он часто повторял эту фразу: «Нет будущего», как будто в этих словах было его оправдание. Никто из присутствующих ему не возражал. Впервые за всё время нашей дружбы он был отдельно от нас.

Больше я его не видел. Супруга Славы оказалась старше

его лет на семь, если не на все десять, и к тому же дамой с весьма крутым нравом. Она не отпускала Славу от себя ни на шаг, ревновала его днём и ночью, но Слава всё терпел, потому что без неё ему в Канаде делать было нечего. Потом он с ней всё-таки развёлся и женился ещё два или три раза. С нами, оставшимися, он больше не общается. По слухам из Канады, Слава играет там в ресторанах и очень доволен.

АНДРЕЙ И ЕВА

После 27 лет службы в армии, пожилой майор со своей женой-еврейкой и уже взрослыми детьми приехал в Израиль. Работать они начали почти сразу – на третий день после того, как сошли с трапа самолета. Работали все: и он сам, и жена, и дети, которые совмещали работу с учебой.

Он все умел и потому, спустя какое-то время, нашел работу в гараже. Ему платили гораздо меньше, чем местным, но больше, чем израильским арабам, которые работали здесь до него, и на несколько порядков выше, чем арабам из Газы, которые трудились здесь до своих братьев из Тайбе (арабский город в Израиле).

Их зарплаты хватало на то, что бы позволить себе жить в центре страны, снимая трехкомнатную квартиру, оплачивать счета, делать ежедневные покупки, иногда покупать не только то, что необходимо, но и то, чего просто хочется. Словом – жить.

Все было бы хорошо, но жена, работавшая в доме престарелых, надорвала спину и теперь сама нуждалась в постоянном уходе.

У жены здесь была многочисленная родня, но майор их недолюбливал. И вовсе не из-за того, что они были евреями. Те из родственников жены, которые жили в Израиле давно, смотрели на них как на бедных родственников – с явным превосходством и даже не пытались этого скрывать...

Когда они только приехали, Ева пыталась наладить с ними отношения, но родственники оказали им весьма прохладный прием. У них была какая-то патологическая ненависть к тем, кто приехал позже с их бывшей Родины. Иногда даже казалось, что их объединяют не столько родственные узы, сколько ненависть. Ненависть к арабам, русским и вообще гоям. Ненавидели они дружно и с каким-то смаком.

Его они называли не иначе как «генерал-майор», вкладывая в это обращение всю издевку, как будто у него не было даже имени. Этим «генерал-майор», произносимым с особыми интонациями и с особым подчеркиванием, родственники изливали все свое злорадство маленьких людей, вдруг почувствовавших собственную значимость. Они злорадствовали по поводу гибели великой державы, вдруг почувствовав себя могущественными и значимыми. В своем стремлении принадлежать к победителям они даже со своими детьми говорили только на иврите.

Иногда Андрей еле сдерживался, чтобы не съездить кулаком по этим сытым, лоснящимся от самодовольства физиономиям спекулянтов из Молдавии, уехавших в свое время из Союза, чтобы не оказаться в тюрьме. Он никак не мог понять, каким образом они оказались вдруг победителями, а он, солдат великой армии, защитник великой державы, оказался побежденным.

Среднего роста, худощавый, жилистый, с широкими скулами и почти совсем седой, он плохо вписывался в местный колорит. Его большие, цвета стали глаза и упрямый подбородок придавали ему весьма уверенный вид, но взгляд был странный, как будто кто-то внутри него потушил свет. Он взирал на окружающий его мир и не представлял себе, чем он здесь будет жить. Новая действительность напоминала ему виденное в Афганистане и республиках Средней Азии. Такой же чужой мир.

Единственное, что он осознавал совершенно четко – это то, что его место не здесь. Но возвращаться было некуда, а искать лучшую жизнь за морями и океанами с больной женой было

бы весьма сомнительным предприятием.

Все вокруг них пытались вписаться в окружающую действительность, заучивали расхожие выражения на новом для себя языке, пытались перенимать интонацию и манеру речи местных. Суетились по поводу квартир, машин, дополнительных заработков...

А ему не хотелось ни вписываться, ни приспособливаться. Вся прежняя его жизнь была наполнена смыслом. Так, во всяком случае, ему казалось теперь. В новой же, смысле жизни были лишь дети. И только ради них стоило жить. Привыкший всю жизнь рассчитывать только на себя, он и сейчас ни в ком не нуждался и не собирался ничего просить.

«Тем более у них», с едкой усмешкой думал Андрей.

В 18 лет его призвали в армию. Отслужив два года, он решил не возвращаться в провинциальный городок в Саратовской области и остался в армии, поступив в высшее командное училище.

За все время своей военной карьеры он ни разу не усомнился в правильности своего решения. Тяжелые курсантские будни он воспринимал как нечто совершенно неизбежное и естественное, и в отличие от своих товарищей из более благополучных семей, никогда не думал об альтернативе своему решению. Он гордился своей профессией, тем, что служит великой стране и тем что нужен своей Родине.

На последнем курсе военного училища, он встретил Еву, которая училась в это время в пединституте. Андрей даже не понял тогда, чем понравилась ему эта темноволосая девушка с огромными, выразительными глазами и тонкой талией. И сейчас, когда она сильно располнела и постарела, он вряд ли смог бы ответить на вопрос о том, красива ли она и вообще почему он ее любит. Он никогда об этом не думал раньше и не задумывался сейчас. Просто любил ее и думал о ней даже в самые трудные минуты своей жизни. А таких минут было в его жизни немало. Она всегда казалась ему хрупкой, ранимой и он берег ее, как берегут дорогой хрусталь.

Спустя три месяца после первой встречи они поженились и теперь уже давно отметили серебряную свадьбу.

Жизнь их не баловала, хотя Андрей быстро рос по службе. Спустя пять лет после окончания училища он был уже капитаном. Служба была нелегкой. Служить довелось в Туркмении. Отсюда он в 1979, в числе передовых советских частей, попал в Афганистан.

После полутора лет службы в ДРА он был тяжело ранен и следующие полтора года провел в госпиталях.

Его признали годным к нестроевой и оставили в армии. Друзья и сослуживцы прочили ему быструю карьеру как «афганцу», но этого не произошло. Его отправили служить в отдаленный гарнизон и, похоже, совершенно о нем забыли. Так же, как и о других офицерах-афганцах, дослуживавших вместе с ним.

Можно конечно было бы что то просить или даже требовать, но он никогда и никого ни о чем не просил.

Не стал просить и на этот раз. А когда началась «перестройка», обещавшая всем скорое светлое будущее, он и его однополчане и вовсе оказались лишними.

Поначалу он с интересом стал смотреть телевизор и даже начал мечтать о новой жизни, вдруг подумав о том, что он еще достаточно молод для того, чтобы все начать сначала. Но действительность очень скоро охладила его пыл. Он явственно ощущал развал вокруг себя по тому, как все вокруг продавалось и расталкивалось под сладкие речи с экрана.

Новая жизнь бесцеремонно вторглась в их судьбу. А законы этой жизни устанавливали новые-старые хозяева. Те, кто требовали от него верности и потом, используя, предали, выбросив как ненужную вещь.

Особенно действовала ему на нервы «ламбада», звуки которой неслись буквально отовсюду. Он видел, как уничтожают его страну под звуки незамысловатой мелодии и вдруг особенно остро ощутил свою ненужность в этой новой жизни, которая выбросила его на свалку.

В 92-м, когда не стало ни прежнего государства, ни его ар-

мии, они отправились на «историческую» родину жены.

Жили они как-то обособленно – ни с кем особенно не сближаясь.

Потепление в отношениях с родственниками наступило неожиданно. Тяжело заболела тетка Евы – мать ее троюродного брата, и им понадобилась сиделка. Брат стал звонить чаще, несколько раз приезжал. И Ева, жалея старуху, приходила сидеть с ней, готовила и даже делала несложную работу по дому, насколько позволяла ей больная спина.

В преддверии Пасхи брат пригласил их к себе на виллу. Собрались почти все родственники и сослуживцы брата, который был крупным строительным подрядчиком.

Собравшиеся предпочитали общаться друг с другом на иврите. Их детей, уже неплохо владевших ивритом, сверстники почему-то игнорировали.

Андрей и Ева сразу же почувствовали отчуждение. У них было ощущение, как будто они попали в пустое пространство, куда нет доступа.

Это ощущение особенно усилилось во время церемониальной части, когда читались молитвы и рассказывались пасхальные истории. Они присутствовали, но не участвовали во всем этом. Все их участие ограничивалось тем, что они сидели за столом, и Андрей был в кипе.

Оба чувствовали себя неловко, но пока не решались встать и уйти.

Между тем родственники продолжали беседовать между собой на иврите.

Когда официальная часть закончилась и началась сначала то-ропливая, потом все более размеренная трапеза, присутствующие вспомнили наконец о своих родственниках.

Похоже, Андрей у них вызывал лишь одну ассоциацию: с неевреями и бывшей Родиной, на которую они все были жутко обижены.

Многие из присутствующих имели высшее образование, благодаря которому трудились в Израиле врачами, адвокатами и

инженерами. Некоторые успели защититься до отъезда. Да и работали они там все без исключения не на самой черной работе.

И странное дело – чем больше они получили благ от своей бывшей Родины, тем больше ее ненавидели. «Бывшей», или как они ее называли – «доисторической», любясь при этом собственным остроумием.

Обращаясь к нему, они шутили по поводу «покойного Союза», интересовались, что из того, что было на столе и вообще на вилле они с Евой имели «там».

Андрей держался спокойно, как волк, окруженный стаей собак. За все время разговора ни один мускул не дрогнул на его лице. Он спокойно слушал обращенный к нему треп и пока не произнес ни одного слова в ответ. И лишь когда кто-то из гостей стал интересоваться его военной карьерой, почему он всего лишь майор – ведь он не еврей, которых «не пускали», затронув при этом афганскую тему и его участие в той войне, Андрей лишь с усмешкой бросил: «Зачем вам жизнь старого майора?»

Не спеша он поднялся из-за стола, потом помог встать жене и вместе с детьми они направились к выходу, глядя перед собой.

На какое-то время над столом повисла тишина. Никто из присутствовавших не пытался вернуть их назад.

В РАЙ

– Пойдем со мной! – Требовательно сказал он.

– Куда? Зачем?! – Испугалась она.

– Я сделаю тебя счастливой, – нетерпеливо сказал он. – Пойдем! – Он решительно взял ее за руку.

Она попыталась высвободить свою руку, но он схватил ее мертвой хваткой. Он смотрел на нее горящими глазами и был полон решимости увести из этого Содома.

– Отпусти меня! – В отчаянии крикнула она, – Я не хочу!

– Не бойся! – Решительно сказал он, – со мной тебе нечего бояться! Никто не посмеет нас остановить! – И он потащил ее к выходу.

– Пусти меня! – Орала проститутка, – Я никуда не хочу идти! Мне здесь хорошо!

Но он не слушал ее и тащил к выходу, в одной своей руке сжимая ее руку, а в другой – уже готовый к стрельбе пистолет.

Когда он распахнул дверь ее комнатки, на пороге возник огромный охранник заведения, услышавший крики девушки. Но освободитель был человеком решительным и тренированным. Ствол моментально ткнулся в шею охранника. Тот изменился в лице и стал трусливо пятиться назад.

– Палец с курка убери, – жалобно попросил амбал.

– Заткнись! – Прошипел освободитель, – На колени!

Охранник послушно опустил на колени, а ствол тем временем уперся в его бритую голову. От страха охранник старался даже не дышать, чтобы случайно не спровоцировать психа на выстрел.

Ожидавший своей очереди клиент при виде высокого, полного решимости вооруженного мужчины и верещащей полуголой девицы вжался в продавленное кресло, на котором сидел, девчонки в ужасе поджали под себя ноги, а у сидевшей в центре комнаты за массивным столом жирной бандерши отвисла челюсть.

Сама полуголая жертва освобождения тоже была в шоке перестала визжать и уже совершенно послушно шла за своим освободителем.

Он решительно открыл входную дверь и, держа перед собой ствол, двинулся вперед, увлекая за собой девушку. Сидевшие в импровизированном кафе возле киоска охранники заведения, изображавшие весь день случайных посетителей, спохватились поздно. Встреть они его прямо у входа – и у них был бы шанс остановить этого бешеного Ромео. Но сейчас они лишь выстроились перед ним в ряд и послушно подняли руки, когда он рывкнул на них, требуя поднять руки и наставив на них